Вместо громких слов

Автор:
Евгения Михайлова

Вместо громких слов

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Галя и Игорь вместе много лет, они любят и ценят друг друга. Кажется, так будет всегда, но однажды Игорь внезапно исчезает…

Валентина стала матерью в семнадцать лет, но отказалась от дочери, и та выросла настоящим чудовищем. Теперь Валентина тщетно пытается загладить свою вину перед ней…

Вика родила сына от своего босса, после чего они и расстались. Несколько лет спустя бывший любовник отнимает у Вики ребенка. У отца есть деньги, связи и продажные юристы, у Вики – только добрые друзья и любовь к сыну…

Герои остросюжетных рассказов Евгении Михайловой – обычные люди, беспомощные и беззащитные перед злом. Поодиночке им не выстоять, но если они объединятся, то смогут многое…

Евгения Михайлова

Вместо громких слов

© Михайлова Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Чужой сын

К странным встречам ведут странные пути. И, разумеется, только странных людей сводят странные встречи.

У Кати была простая, приятная и самая обычная внешность. Все в меру, в нормальных пропорциях, ничто не режет глаз и не ослепляет его. Аккуратная, чуть полноватая фигура, небольшое правильное личико, довольно красивые голубые глаза, прямые короткие волосы, гладкая здоровая кожа. Она не пользовалась косметикой, носила только дешевую и удобную одежду. Катя была уместна в любой обстановке: во дворе, в магазине, на своем рабочем месте в крупной торговой организации, на кухне и в кругу близких друзей. Это была уместность незаметной и в силу этого незаменимой детали.

Катя почти никогда и никого не раздражала, она была легким и ненавязчивым собеседником. Не проявляла бурных эмоций ни по одному поводу, но очень внимательно выслушивала рассказы о чужих горестях и проблемах. Не бросалась с предложениями помощи, а просто давала понять в паре слов: я рядом, попробую поддержать, не уйду далеко, не забуду. И этот мягкий деликатный отклик привлекал многих гораздо больше, чем слишком пылкое участие не без острого любопытства и попыток полного внедрения в ситуацию. Чаще всего у очередного доверительного откровения не случалось продолжения. Человек поделился, почувстввовал тепло понимания и сочувствия – это и было результатом.

А странность Кати, о которой известно было только ей самой, заключалась в следующем. Она в очередной раз расставалась с почти незнакомым человеком, поделившимся с ней своей бедой, сдержанно прощалась, небрежно добавив уже на ходу: «Звоните, если что…» И не успевала отвернуться, отойти на несколько шагов, как душа ее начинала рваться от страстной потребности что-то сделать, как-то делом помочь, – и тут на пути пылкого стремления развести руками чужую беду опускалось тяжелое, как камень, сознание своей незаметности и, главное, беспомощности, абсолютной никчемности. Она же просто деталь для всех, иногда удобная, но у нее ни особого ума, ни сил, ни денег, ни связей, чтобы

помочь хоть кому-то реально.

А чужая беда все болела в Катином сердце. И она не могла отвлечься, но сама боялась даже позвонить, чтобы что-то узнать. Начинала искать информацию окольными путями, у общих знакомых. Объект ее терзаниий никогда бы в такое не поверил: Катя плакала по ночам, представляя себе его одинокие муки.

И вот однажды случилось то, чего Катя не смогла вынести безмолвно, сама с собой. Она решила искать соучастника. Это должен быть очень уверенный и сильный человек, образованный и знающий особые ходы. И непременно женщина, способная понять суть невероятной трагедии одной семьи. Сама Катя не в состоянии ни это ни осознать, ни пережить. И, главное, она не способна оттолкнуться от этого ужаса и бежать от него так быстро, чтобы ветер выдул его из памяти навсегда.

История на самом деле была дикой, чудовищной, как будто перенесенной в реальность из фильма ужасов. И если бы речь шла о совсем чужих для Кати людях, она только страх бы и почувствовала. Страх и желание забыть. Но так случилось, что она хорошо знала того, кого считали виновником трагедии, кто остался ее единственной уцелевшей жертвой, что бы там ни произошло.

И как же Кате найти человека, который не посмеялся бы над ней, как над дурочкой-психопаткой, когда она скажет ему первую, в муках придуманную фразу: «Сын задушил свою мать. Очень добрый и хороший сын задушил свою мать, которая его обожала. Так они все сказали. Но я не верю. Тут что-то не так».

Эти двое приехали в красивый новый дом по соседству с Катиным по программе переселения. Мать Зина – коренастая, грубоватая тетка с пучком волос, выкрашенных в ярко-рыжий цвет, и сын Гриша, мягкий, даже робкий человек лет сорока с круглым улыбчивым лицом и нерешительным, добрым и зовущим взглядом. Они сначала казались всем комичными, почти карикатурными персонажами: Зина шагала как солдат, уверенно размахивая крупными натруженными руками. Голос у нее был зычный, интонации повелительные и категоричные, слова выдавали отсуствие образования. У Гриши были белые, пухлые и вялые руки, явно не знавшие физического труда, а говорил он ласковым баритоном, речь была чистой, интеллигентной, правильной. Зина подрабатывала к пенсии, бралась за все: убирала, клеила обои, сидела с детьми и больными. Гриша делал какую-то работу по интернету, как многие сейчас.

Эти двое обожали друг друга. Грубая Зина светлела и таяла, когда смотрела на сына, без конца что-то на нем поправляла, гладила тонкие вьющиеся волосы, брала, как ребенка, за руку. Гриша смотрел на мать с доброй, понимающей улыбкой и явно слышал в ее резких и примитивных речах какой-то особый смысл, скрытый ото всех. Он был всегда хорошо и современно одет, иногда ездил отдыхать в Италию или Францию, очень красиво рассказывал об этих странах. Они с Катей сначала просто здоровались, но однажды Гриша заговорил о своих путешествиях, и Катя просто заслушалась: так много он знал и так ярко все чувствовал.

Другие соседи относились к семейству Гавриловых отчужденно: эти двое слишком зациклились друг на друге, Зина была слишком грубой, Гриша чересчур сложным. Говорили, что у него есть какой-то психиатрический диагноз с детства, поэтому он никогда не ходил на работу. Но высшее образование вроде у него имелось. Гриша свободно говорил на итальянском и французском языках, умел играть на рояле. Да, Зина купила своему сыну антикварный концертный рояль по сходной цене.

Боже, у Кати сердце заходилось, когда она думала о том, что Гришу насильно вытащили из его квартиры, держат в чужом и страшном месте. Она даже сбегала к участковому Сереже, спросила, куда увезли Гришу.

– Думаю, в какую-то дурку, – сообщил Сережа. – Он был вообще не в себе: плакал, молился и просил пустить его к матери. А ты что хотела? Чтобы куда повезли человека, который полностью свихнулся и мать задушил?

– Я бы хотела, чтобы никуда. И чтобы никто никого не душил. Я прошу тебя, Сережа, узнать, куда его повезли, и сказать мне.

– Доложить тебе? – радостно улыбнулся Сережа. – И что дальше? Какие твои будут действия?

– Попробую его навестить. Передачу принести. Гриша привык к домашней еде.

Сережа так хохотал, что пришлось платком слезы вытирать: он был очень смешливым.

– Хочешь поднять себе с утра настроение – поговори с женщиной. Лучше всего с Семиной. Ты как себе все представляешь, Семина? Сидит убийца в тюремной психушке в смирительной рубашке, а все сердобольные соседки пачками тащат ему пироги с капустой и кисель с котлетами?

– Рада, что развлекла тебя, – сухо произнесла Катя. – И буду благодарна, если выполнишь мою простую просьбу. Просто узнай, где он. А решать, что дальше, я буду с профессионалами.

Катя пошла к двери, а Сергей за своим столом уже хрюкал от смеха. Она произнесла слово «профессионалы» экспромтом, чтобы уесть участкового. И тут же поняла, что ей нужно сделать. Найти в интернете юриста из тех, которые напрямую общаются с людьми, дают советы на своих страницах, объясняют что-то в прямых эфирах. Им можно писать и в комментариях, и в личку. Они работают на свой имидж и, как Катя слышала не раз, иногда берутся чуть ли не бесплатно за интересные дела.

Катя почти бежала к домашнему ноутбуку: набирала в поисках объявления юристов, адвокатов со ссылками на аккаунты в соцсетях. Ее интересовали только женщины. Во-первых, она была очень стеснительной, во?вторых, с одним мужчиной она сегодня уже пообщалась. Нечего и пытаться достучаться до чужого человека, если не только Сережа, но даже Катин муж не понял, о какой помощи в подобной ситуации она может думать. О любой! Такое может понять лишь женщина. Да, и пирог с капустой, кисели с котлетами. Катя сквозь расстояния и стены чувствовала страшную боль Гриши, его отчание, панику, муки разрывающегося сердца. И она должна найти человека, который поверит, что Гриша не мог убить свою мать – в себе он был или нет.

К вечеру Катя выбрала нескольких кандидатов, точнее, кандидаток для вовлечения в свой план. Напряженно изучала их фотографии, вслушивалась в интонации их прямых эфиров, вчитывалась в тексты. Старалась принять взвешенное решение, а выбор сделала в пользу самого экзотического варианта.

Елизавета Миляева на своей странице ежедневно объясняла какие-то правовые положения на примерах конкретных ситуаций. Катя читала сухие объяснения мельком, ее интересовали пока только эмоциональные отклонения автора от сути. Да, эта Елизавета пишет и о своей жалости, о протесте против равнодушия и жестокости людей или системы. Ищет грамотные способы достучаться. А во время прямых эфиров вообще часто рассказывает о собственной грусти,

сомнениях и даже ошибках. И все это странно и причудливо сочетается с обилием фотопортретов автора. Не просто фото, а именно портреты. Художественные работы. На них невероятно эффектная дама в нарядах и украшениях, каких Катя не видела у голливудских звезд. Понятно, что макияж, редактура, фотошоп, но в любом случае это тип женщины, который Кате кажется недостижимым идеалом. Как она однажды прочитала в романе Голсуорси, «вытянутый тип». То есть очень худая женщина, с руками, как лебединые крылья, с бесконечно длинной шеей, с породистым удлиненным носом. Волосы вытравленно-белоснежные, но в этом не вульгарность, а стерильность. Во всем такая утонченность… По крайней мере, так кажется Кате. И такая экзотическая внешность сочетается с ясным, четким умом и нежной душой.

Катя срочно послала Елизавете запрос в друзья, получила подтверждение, написала ей в личку призыв о помощи без подробностей, оставила телефон. И – чудо! Через пять минут раздался звонок с незнакомого номера, и довольно низкий, чуть резковатый женский голос произнес:

– Это Елизавета Миляева. Добрый день, Катя. Я вас слушаю.

Тем же вечером Катя отправилась к своей новой знакомой домой. Дошла от метро по безлюдной улице до пустого двора двенадцатиэтажки. Поднялась на нужный этаж, дверь открылась… Катя в волнении часто перестает видеть, слышать и понимать. Женщина, которая открыла ей дверь, была в джинсах и растянутой майке, без маски. Она кивнула Кате на вешалку в прихожей, поставила перед ней большие теплые тапки. Катя машинально разделась, переобулась и прошла в комнату, будучи в полной уверенности, что перед ней домработница или родственница адвоката Миляевой.

В просторной гостиной Катя уселась в большое кожаное кресло, сложила руки на коленях в ожидании и застыла. «Домработница или родственница» какое-то время внимательно на нее смотрела, а потом весело рассмеялась:

– Ждешь ту даму в шикарном наряде с портрета? Люблю этот момент. Это я и есть, Катя. Просто дома я снимаю свою шикарную выходную шкуру. Да, и кожу вместе с нарядом. И остаюсь собой: гадким утенком, который просто научился на время превращаться в прекрасного лебедя во имя трудов и подвигов. Да, и корысти ради, не буду скрывать.

Катя выбралась из своей оторопи и поняла, что все сложилось самым лучшим образом. Ей не придется робеть из-за нереальной красоты и роскоши умной собеседницы. Она ей так даже больше понравилась. Наверняка примитивный и грубый человек назвал бы Елизавету некрасивой: не просто худая, а вся состоящая из торчащих костей и выступающих жил, с маленькой головой на очень длинной шее, с небольшими глазами, тонкими губами и длинным носом. У Елизаветы даже уши были нестандартные – крупные и оттопыренные. И она ничего не пыталась сгладить или скрыть. Даже подстрижена так, чтобы волосы полностью открывали уши. Это же внешнее выражение откровенности и честности! Именно сейчас она показалась Кате естественным и милым человеком. Они легко перешли на «ты». Елизавета принесла кофе и бутерброды.

– Извини, больше ничего нет, я себе не готовлю. Давай рассказывай.

Катя говорила долго и сумбурно, пересказывала все, что слышала во дворе и от участкового Сергея, постоянно возвращалась к своим чувствам и подозрениям. Вспомнила, что Гриша отдыхал не только за границей, но и в каком-то странном монастыре, о котором ничего конкретного никогда не говорил.

– Ты понимаешь, Лиза, он ведь физически слабее, чем была его мать. Это даже одна соседка – врач сказала. Что ты думаешь обо всем этом?

– Насчет физической слабости ничего не думаю, пока не узнаю его диагноз. Есть психиатрические состояния, когда человек становится в припадке намного сильнее. Монастырь наводит на размышления. А вообще неразвитая мать с не очень здоровым, эмоционально зависимым сыном – это добыча для любого криминала. Квартира у них хорошая?

– Да, очень. И дом совсем новый, самый лучший в районе. Зина, говорят, судилась с управой, чтобы в него попасть. У них с Гришей какие-то льготы.

– Тогда не станем тратить время на догадки. Я постараюсь поискать информацию. У меня есть свои помощники. От результатов и будем плясать: ты ведь даже не родственница. Требовать расследования мы сможем, если я нарою что-то, указывающее на криминал.

– Ох, спасибо тебе. А навестить его нельзя будет? Я бы очень хотела.

– Попробуем. Мне самой интересно.

– Лиза, я принесла немного денег, это только мои сбережения. От мужа и сына даже скрываю. Если не хватит, я потом еще принесу. Я же понимаю, какие расходы, сколько работы.

– Пока никаких расходов. Держи у себя свои сбережения. Я скажу, когда и на что понадобятся деньги.

После этой встречи Елизавета несколько раз звонила Кате: уточняла какие-то детали, поручала найти доступную информацию. Говорила сухо, коротко, на вопросы Кати вообще не отвечала. Та не обижалась, просто перестала спрашивать. Опять вроде осталась сама с собой: ее бросало в жар и холод. Она думала о том, что, пока Елизавета будет находить материал, анализировать его в своих профессиональных целях, с Гришей может случиться что угодно. Или наоборот, Лиза поднимет опасную волну, все заинтересуются этой историей. Люди такие алчные и жестокие, Катя боялась, что их всех может смести каким-то жутким ураганом. Как ни крути, миром управляют не женщины. Не такие женщины. Катя себя даже не берет в расчет, но и мудрая Лиза – такая слабая против настоящего страшного зла, с этой своей откровенностью, эмоциональностью, с оттопыренными беспомощными ушами, выставленными напоказ. Да и не ест она ни черта. Вот кому нужны кисель и котлеты. Тут она вспоминала Гришу и начинала плакать, жалея уже их всех, особенно своего сына Валеру, который без нее вообще былинка на ветру и добыча всех негодяев.

Кате казалось, что с момента встречи с Лизой прошла куча времени. А когда та позвонила и сказала, что заедет за ней на следующее утро, Катя посмотрела на календарь и увидела, что миновало всего три дня. Вопросов Катя, конечно, не задавала. На расстоянии Елизавета опять казалась недостижимо эффектной и важной. Не хватало еще раздражать ее своей простотой.

Катя договорилась на работе, что побудет в самоизоляции дней десять, поработает дистанционно: тест на корону отрицательный, но есть слабость и покашливание. Лучше пересидеть. Они там позорно обрадовались: к гадалке не ходи – не пришлют зарплату. Ладно, ее дело сейчас дороже.

Утром она надела свой самый торжественный черный брючный костюм, голубую блузку, подмазала ресницы. Неизвестно, с кем и на каком уровне придется

общаться. Лиза позвонила ровно в девять:

– Ты готова? Я внизу, у твоего подъезда. Мы, кстати, едем в больницу к Гаврилову. Можешь захватить ему то, что хотела привезти.

– Да ты что! Ну как же ты мне раньше не сказала… Я бы приготовила… Ладно, у меня все есть в холодильнике. Ты же подождешь немного?

– Не торопись. Он оттуда никуда не денется. Но бери только то, что он может за один раз съесть. Там нет мест для хранения.

В чем Катя была уверена, так это в том, что хозяйка она хорошая. Буквально через минуту она уже укладывала в сумку аккуратные упаковки и судочки с домашним винегретом, стейками семги и, да, с куриными котлетами. На десерт – кусочек «Наполеона» по фирменному рецепту самой Кати и бутылка минеральной воды.

– Скажу сразу коротко, что удалось, – произнесла в машине Елизавета. – Доводы о проверке обстоятельств и необходимости дополнительного расследования убийства Зинаиды Гавриловой уже обсуждаются. В нужный момент ты подпишешь свое заявление на имя того, кто точно его примет. Главные причины таковы. Психиатрическое заболевание Григория по его медицинским документам не связано с повреждением мозга. Это последствие детского сильного потрясения или тяжелой болезни. То есть результат физических и моральныых мук. Главный симптом – отторжение человека от внешнего мира, страх и недоверие ко всем, кроме одного человека, которому он, судя по всему, слепо доверял. Это мать, конечно. Она и таскала его с детства по всяким монастырям вместо нормальных врачей и медицинских учреждений. Есть эксперты, которые могут в точности определить, возможна ли в его случае такая страшная агрессия. По тому, что я сама прочитала, она практически исключена, особенно по отношению к любимому человеку. Из всего этого вытекает вторая причина расследования. Тот монастырь, о котором ты рассказала, похож на мошенническое образование. У так называемого схимника, который во главе, есть судимость, большой срок за убийство. И еще: обнаружены завещания семьи Гавриловых. Зинаида отписала квартиру сыну, он – монастырю. Завещание оформлено при жизни матери.

– Елки, – выдохнула Катя.

– Именно, – кивнула Елизавета. – Не знаю, как Григорий отнесется к моему появлению, но ты теперь для него единственный сочувствующий человек. Он только тебе и будет отвечать на вопросы, думаю. Нам нужно узнать следующее: был ли у кого-то ключ от их квартиры и давали ли ему какие-то лекарства в монастыре, возможно, с собой или привозили на квартиру. Сможешь?

– Постараюсь, – шепнула Катя. Она на всякий случай уже помирала от страха.

Они приехали в какое-то жуткое место, Елизавета показала нужные бумаги охраннику, в другом окошке мрачная тетка долго рассматривала их паспорта, куда-то звонила. Потом их повели по узкому коридору с темно-зелеными стенами – это классика казенного жанра. Завели в закуток без окон с пластиковым столом и такими же стульями. Там не было воздуха, только запах хлорки. Кате казалось, что она теряет сознание. Будь дверь открыта, она, наверное, убежала бы. А их, что характерно, хмурая надзирательница заперла на ключ.

А потом дверь открылась… О боже, как вздрогнуло и забилось Катино сердце, как запеклись глаза в соленом кипятке! Они привели не Гришу, не живого человека. Они привели тень самого несчастья и страдания. На нем болталась какая-то синяя роба. Катя никогда не узнала бы Гришу, если бы не его по-прежнему детские глаза на взрослом, теперь старом лице. Только сейчас в них не наивное ожидание и доверчивость, как раньше. Сейчас это бездонный колодец отчаяния. Его всего била дрожь. Катя опустила маску, чтобы Гриша ее узнал.

– Пятнадцать минут, – рявкнула надзирательниица и вышла, вновь заперев дверь снаружи на ключ.

– Катя? – потрясенно произнес Гриша и подошел к ней. – Ты пришла ко мне? Тебя пустили? Как, почему? Я здесь ничего не понимаю.

– Ты в больнице. – Катя изо все сил старалась говорить спокойно, как в обычной, нормальной ситуации. – Я принесла тебе поесть. Садись сюда, я пока разложу. Надо поесть при нас. Да, со мной моя подруга Елизавета. Я ей рассказала о тебе, она мне помогла с пропуском.

Гриша смотрел на них и на стол растерянно, постоянно говорил «спасибо». Потом начал есть – осторожно, как бездомная собака, которая боится, что ее

сейчас поймают или ударят. На разговор с Катей пошел и на ее вопросы ответил. Ключ от квартиры был у отца Никодима, это такой добрый человек, который всегда заботился о них, принимал Гришу в монастыре, давал лекарства. Только его и помнит Гриша в ту страшную ночь, когда пришел в себя после обморока и увидел рядом мертвую мать. Он кричал, рыдал, просил ее проснуться, а отец Никодим его утешал, потом дал телефон и велел вызвать полицию.

– У тебя был припадок, – сказал он. – Беда случилась. Но ничего, они разберутся, ты же не хотел.

Когда приехала полиция, отца Никодима уже не было.

Елизавета сжала Кате руку под столом и шепнула:

– Все отлично. Я записала. Можем прощаться.

Прощание оказалось страшным. Гриша хватал Катю за руки, умолял не оставлять его. Его тащили, что-то вкололи в вену. И последнее, что Катя запомнила, – он кричит уже с порога:

– Катя, я только тебе поверю! Скажи: мама дома, она поправилась? Мне ничего не говорят.

В машине они обе молчали. Катя даже не смотрела, куда они едут. Лиза произнесла:

– Мы едем ко мне. Я только выскочу здесь в магазин. Нам нужно глотнуть чего-то спасительного. Потом подведем итоги. Мы хорошо поработали.

Как много нового, ужасного и удивительного узнала Катя в последнее время. Ни о чем серьезном она пока думать не может. Но вот, к примеру, такая вещь. Катя любила только красное сладкое вино и шампанское на Новый год. Ей хватало бокала для пяти минут эйфории, которая быстро переходила в жуткую сонливость и крепкий сон. Коньяк она считала страшной гадостью, которая, ко всему прочему, пахнет клопами. А сейчас Лиза наливает ей очередную рюмку золотистого, горящего и все обжигающего напитка, а у нее только теплеет сердце и вроде голова начинает что-то соображать. Наверное, дело именно

в Лизе, в ее способности все организовать, выстроить, добраться до смысла.

– Так что же получается, Лиза?

– Тупой криминал, – с холодной ненавистью произнесла Елизавета. – По тупейшей схеме, которая вычисляется на раз. И я хочу тебе сказать сейчас главную вещь. Если бы ты была такой же безразличной и эгоистичной, как большинство людей вокруг, все бы легко и быстро закончилось убийством и второго владельца той квартиры. Ублюдки даже не меняют методы, не скрываются, так они уверены, что все пройдет спокойно, по установленной таксе. Столько – чиновникам, столько – полиции, следствию и суду, – и сотая или тысячная квартира переходит к их банде по завещанию.

– А сейчас…

– Сейчас благодаря твоей информации мы можем отбить квартиру и вернуть Гришу. Я даже не исключаю, что у банды могут появиться проблемы. Кого-то придется сдать.

Кате так хотелось обнять свою новую, совершенно невероятную подругу, но она, конечно, постеснялась. Плеснула себе еще золотой жидкости, поймала какую-то сверкнувшую в голове мысль и произнесла то, что никому, кроме Лизы, не сказала бы:

– Знаешь, что я почувствовала… Что как будто поселилось во мне. Такая нелепость. Я поняла, что сына можно не только родить. Что одно большое несчастье может совершенно чужого сына сделать твоим… То есть моим…

– Какая ты хорошая… и нелепая, – улыбнулась Лиза. – Гриша твой ровесник, но, конечно, он вечное дитя.

– А у тебя нет детей? – Катя давно хотела об этом спросить.

– Я исключила такую возможность, – четко ответила Елизавета. – Сознательно и категорически. В том числе и потому, что несчастья чужих сыновей я могу пережить и даже побороться с их бедами. По поводу своих не уверена.

Дальше все пошло в таком оперативном темпе, со столь очевидными и позитивными результатами, что Катя почти поверила в реальность чудес. Она занимала свои мысли практическими решениями возвращения к жизни и в свою квартиру Гриши Гаврилова. С него уже сняли обвинение, следователи и эксперты доказали, что убийство совершил другой человек, который пришел в квартиру со своим ключом незадолго до убийства. Матери и сыну ввели наркотик. Ему внушили версию о собственном «припадке». Гриша очень многие подробности вспомнил под гипнозом. С помощью Лизы Катя найдет людей, которые помогут ему восстановиться и научиться жить без матери. Она будет рядом.

Все было готово. Утром они с Лизой едут за Гришей. Кате удалось уснуть только на рассвете. И тут же ее разбудил звонок.

– Прости, Катюша, что разбудила, – произнесла Лиза. – Я еду за тобой. Несчастье случилось.

Подробнее она рассказала уже в машине, когда они ехали в больницу. Санитарка, которая в конце ночной смены мыла пол в коридоре, услышала странный звук из палаты Григория Гаврилова. Обнаружила его уже мертвым. Как считают врачи, он принял смертельную дозу препаратов, которые все время пребывания умудрялся не принимать, а прятать под матрасом. Этот тайник обнаружили, там еще что-то оставалось.

Им разрешили поговорить с теми, кто видел Гришу вечером: с дежурным врачом, сестрами и санитаркой. Все сказали, что он вел себя как обычно. Был спокойным и веживым. Только медсестра вспомнила, что он просил у нее бумагу и ручку. Она отказала:

– Мне сказали ничего такого ему не давать. Он мог жалобу на нас написать. Тут и так из-за него всех трясли.

…Катя потратила все оставшиеся силы, чтобы запихнуть свое неподвижное, свинцовое тело в машину. Долго пыталась восстановить дыхание, хрипела и кашляла, добывая собственный голос. И, наконец, сумела задать вопрос:

– Ты веришь, что он сам? Он так радовался, когда я сказала, что повезу его домой…

– Я этого не исключаю, – серьезно ответила Лиза. – Ты же читала заключение эксперта-психиатра. Григорий – хроник, склонный к тяжелым страданиям, при этом у него необычно высокий коэффициент интеллекта. Я допускаю, что он наконец четко осознал, что произошло. И понял, что остался на свете без своей главной опоры. Почувствовал себя растоптанным, морально уничтоженным, обессиленным. Да, есть ты, но у тебя своя семья. Катя, он мог собраться с духом и положить конец своим мукам. Тем более он готовился к такому исходу. В пользу этой версии говорит и то, что он просил ручку и бумагу. Думаю, он хотел оставить тебе письмо. Ты очень много для него значила, это было заметно, поверь. Но Гриша – дитя по духу – был взрослым человеком по уму. Он наверняка боялся стать камнем на твоей шее. Думаю, к такому заключению придет следствие. Но есть и вторая версия. Быть может, она и была бы доказана, если бы это кому-то было надо. Григорий столько вспомнил, он мог знать еще очень многое… Нет сомнения, что у банды здесь есть осведомитель. Да, они могли его убить. И они знали об этом тайнике под матрасом.

– Лиза, я не могу поверить. Что значит: если это кому-то было бы надо… Мы не будем требовать расследования?

– Мы – нет, – ответила Лиза. – Мы сделали для Гриши все, что могли. Он ушел оправданным. У него была надежда вернуться в свой дом. Если его все же достали убийцы, пусть это будет заботой тех, под чьим носом цветет это поле ядовитых цветов криминала. Это их преступление, подлость и грех. Вдруг у кого-то проснется совесть, и он доведет дело до конца. Я, разумеется, информацию озвучу и распространю. А мы будем спасать себя, кусочки и минуты своих жизней. Думаю, нам после всего этого будет непросто восстановиться. У тебя муж и сын. Твой сын, которого ты родила не для бед и тьмы чужого несчастья. И это банальность, которая, как ни странно, спасает. Катя, Грише больше не больно. Он отстрадал, отмучился. Он свободен от людей и себя самого.

– Какой кошмар, – рыдала Катя, – как все ужасно. Ведь эта боль навсегда. Ужасная, мучительная боль, от которой не может быть лекарства. Что мне делать, Лиза?

– Любить, – сказала Елизавета. – Ты ведь только это и делаешь. Ты редкость на этом свете: сумела преодолеть границы между собой, своими людьми и чужими. Тебе положено и счастье. Так я считаю. Подожди немного, боль пройдет. Ты мне

веришь?

– Только тебе, – всхлипнула Катя. – Побудь со мной, пока я дореву.

Катя очень изменилась после пережитой драмы. В ее простеньком и милом облике появились печаль опыта и внешняя элегантность. Она не копировала свою новую подругу и наставницу, выбирая одежду, она просто стала чувствовать и видеть, что именно ей подойдет. Она теперь постоянно торопилась. На вопросы знакомых отвечала, что на работе все стало сложнее. На самом деле ее постоянно гнала непреодолимая потребность убедиться, что с сыном все в порядке. Не услышать по телефону, не изводить звонками, а увидеть своими глазами, дотронуться, вдохнуть запах. Катя иногда тайком от всех мчалась к школе, чтобы издалека посмотреть, вышел ли Валера вовремя из ворот, идет по направлению к дому или еще гуляет с друзьями. Пряталась, как разведчик: не позорить же почти взрослого парня своей опекой. Взрослого! Восьмой класс! Птенчик, которому уже хочется казаться орлом. А сам тычется носом в мамину шею и радостно сопит, когда она его обнимает. Катя целует его утром перед работой, выходит на улицу и становится воином, который обязан увидеть каждую опасность и всех врагов.

Одна приятельница ей как-то сказала:

– Катя, ты стала такая странная. Все время убегаешь. Ты даже на людей не смотришь.

Катя только пожала плечами. Не объяснять же всем, что она просто боится посмотреть по сторонам. Боится увидеть чужих сыновей, усугубить и растравить ту боль, которая так пока и не прошла. Но она обязательно пройдет. Так Лиза сказала.

Марго

Я созерцатель, и этим все сказано… Я с балкона двадцать первого этажа вижу больше, чем некоторые у себя под носом, в очках и с лупой. И это позволяет мне исключить из своей активности лишнее или не очень обязательное шевеление

ногой, пальцем, ну и всякие наклоны в разные стороны.

Я смотрю на людей, вижу выражения лиц, мимолетные сценки, ловлю слова и фразы, а затем уже на диване – ноги на столе или подлокотнике – прихожу к простейшему открытию, которое опровергнет очередную «народную мудрость». Вот сейчас допью кофе на молоке или неразведенных сливках, так полезнее и вкуснее, и выведу формулу дня. Может быть, для самых тупых карманников и характерно брать то, что плохо лежит. Но настоящие воры по призванию берут лишь то, что лежит хорошо, даже идеально лежит, защищено со всех сторон и кажется своим обладателям гарантией от всех бед, панацеей от черных дней, уникальным сокровищем, секрет которого не раскрыть никому и никогда.

Вы же не подумали, что я о деньгах, брюликах-изумрудах, стенах, потолках, угодьях и прочей шелухе, которой люди заваливают свои жизни, чтобы однажды увидеть вместо нее зияющую, откровенную и окончательную пустоту потерянного времени и мрак несчастья? Нет. Я о другом. Я о противоположном. О таком дорогом, что людям страшно доверять даже словам.

Я литератор по заказу. Пишу сценарии сериалов, в титрах которых не будет указано мое имя. И это мое условие, что самое смешное. Пишу за кого-то рецензии и обзоры. Если хорошо заплатят, напишу роман или художественную автобиографию, которая имеет так же мало отношения к тому, чья подпись будет стоять под ней, как и ко мне.

Я не продаю только то, что у меня хорошо лежит в голове и ощущается как тяжесть моего сердца. Есть на свете очень мало вещей, которые я к нему, к своему здоровому, но готовому к боли сердцу, допускаю. Так что для меня это не теория – страх за то, что хорошо лежит.

А началась эта история с того, что соседка по площадке Вера стукнула в мою дверь ногой и покричала:

– Настя, открывай! У меня руки заняты.

Вера всегда так стучит и орет с площадки, потому что ей нечем нажать на кнопку звонка. Руки у нее заняты всегда. Она вся состоит из странных привычек и предрассудков. К примеру, ненавидит хозяйственные сумки и пакеты. Не переносит большое количество покупок зараз, потому ей легче выходить в

магазин по мере того, как ей что-то понадобится. И несет потом – в одной руке коробка на двадцать яиц, в другой пятилитровая бутыль воды. В таком виде она и вошла ко мне в то утро.

– Привет, – говорит. – Даже не открывай рот, чтобы сообщить про свою срочную работу. Я знаю. Просто сказать решила, вдруг тебе интересно. Я встретила Галю из круглого дома. Она идет – вроде бы никуда. Прошла мимо входа в магазин, я как раз выхожу, она меня даже не заметила. Руки висят, в них ничего нет, глаза красные, сама зеленая. «Ты чего такая?» – спрашиваю. Она говорит: «Игорь пропал». Отмахнулась от меня и убежала. Я подумала: может, она тебе скажет, в чем дело. Если, конечно, оно тебе надо.

– Мне надо, – коротко ответила я.

Вера еще пару минут постояла в прихожей, и мы обе понимали, что она ждет приглашения: «Раз зашла, пошли, посидим, чего-то поедим, выпьем». Но не тот момент. Я подняла с пола ее бутыль с водой и вложила ей в руку, она сама со вздохом взяла с табуретки свою коробку с яйцами и миролюбиво произнесла:

– Так я побежала, да? Ты хоть расскажи мне потом, если что-то узнаешь?

– Обязательно. Кому, как не тебе.

Количество вещей, способных сбить меня с моего плана и распорядка, ничтожно мало. Людей, ради которых я способна изменить своим привычкам, еще меньше. Галя с Игорем в приоритете. Особый случай, оптимистическая трагедия, свет непостижимой тайны, уникальная теорема без доказательств. Да, мне все о них интересно в той степени, когда речь идет не только о любопытстве и даже сопереживании. Самой себе странно в том признаваться, но я испытываю что-то очень похожее на преклонение, думая о двух людях, каждый из которых существует только в другом. Это так очевидно: Галя ощущает себя только тогда, когда смотрит на Игоря, держит его за руку, готовит ему, бежит к входной двери на его звонок. Игорь – личность гораздо более губокая и сложная – видит Галю всегда, где бы и с кем ни был, что бы ни делал. Он серьезный ученый. Но его главное исследование – это Галя. Он мастер на все руки. Но это имеет для него смысл только в плане улучшения жизни Гали. Он любит поговорить со мной о политике, но вся его страсть и боль связаны с тем, что мир должен стать лучше для Гали.

И когда Галя вопреки своей слабой воле поплыла в сторону смертельной болезни, Игорь не страдал, не тосковал. Он просто решил ее вернуть. И свершилось чудо, в которое не сразу поверили врачи. А мне казалось, что должно произойти что-то подобное. То было не только спасение двух неразделимых жизней, даже не трех, потому что есть еще Катя, а сохранение целого, совершенного и очень важного мира. У этого невидимого подвига было невероятное продолжение.

И что значит: Игорь пропал? Это просто исключено.

Я набрала номер мобильного Игоря – телефон оказался вне доступа. На звонок по номеру Гали ответил деткий тихий и робкий голос.

– Привет, Катя, – бодро сказала я. – Галя далеко?

– Мама лежит, – ответила Катя. – У нее болит голова. Она сказала, чтобы я поднимала трубку и позвала ее, когда Игорь позвонит.

– Понятно. Отлично. Я имею в виду, хорошо, что вы обе дома. Будь подругой, загляни к Гале и, если она не спит, спроси: можно ли мне забежать на пару минут. Мне кажется, я могу ей понадобиться.

– Сейчас… Настя, мама сказала, конечно. Она там плачет, Настя, – всхлипнула Катя.

– Ок. Тогда я собираюсь: мне нужно только поджарить котлеты, взять банку растворимого кофе и пакет сливок. Похоже, вам не до еды, а у меня всего полно. Кажется, и мороженое есть. Открой мне дверь, пожалуйста, на звонок.

Я признаю пищу, только приготовленную своими руками. Считаю, что и людям, к которым я хорошо отношусь, полезно то, что приготовлено моими руками. Может, это и смешно, но у меня такой пунктик. Хорошо приготовленные, правильно пожаренные котлеты совершенной формы для меня более серьезный повод для гордости, чем фраза, которая в запале работы кажется шедевром, а потом читается, как будто так и надо. Важнее, чем частые похвалы и редкие награды. И тому есть объяснение. Вкусная еда – это маленькая, незаменимая радость живого организма, это мгновения покоя, которые можно разделить с теми, кто в том нуждается, а мне это в редких случаях не безразлично. Если

получится заставить Галю поесть, может, я в чем-то и разберусь. Даже в те месяцы, в тот год у меня получалось придумать для нее то, что она могла проглотить после химии и облучения.

Галя – прелестный и простой человек. Она в самой трагической для себя ситуации отвечает на любое проявление заботы и внимания. Она светлеет, теплеет, тянется к источнику добра. Мне кажется, она в своей тяжелой и, на взгляд многих, убогой жизни источников зла никогда не видела, не ощущала. И не потому, что их не было. Еще как были и есть. Они тоже из разряда зависти к тому, что хорошо лежит. Галя с Игорем – бедные по всем распространенным критериям, но убогим их существование называют те, кого любовь и преданность безжалостно обходят стороной. Ох, как много людей, от которых любовь шарахается, как от чумы.

Я сложила в судок котлеты, положила в сумку банку кофе, пакет финских сливок, мороженое на козьем молоке, упаковку бородинских булочек. Влезла в джинсы, натянула майку. Перед тем как выйти, посмотрела в глаза своему отражению. Я не увидела в них ни сентиментальности, ни смятения, ни тревоги. Только серый свет необходимости поступка. Терпеть не могу поступки, но необходимость не оставляет выбора.

По дороге к круглому дому, как называют у нас это огромное и странное строение, я думала о Кате. Она назвала по телефону Галю мамой, а это верный знак, что девочка напугана, потрясена. Галя была Кате не мамой, а тетей. Они с Игорем удочерили племянницу совсем крохой после смерти Галиной непутевой младшей сестры. Родная Катина мама, став матерью-одиночкой в семнадцать лет, запила, завела дурную компанию, откуда-то появились наркотики. Игорь и Галя пытались дать всему этому бой, но силы оказались неравны. Им удалось лишь выхватить ребенка из рук приставов, которые тащили Катю в детский дом, и добиться удочерения. Это было совсем не просто для людей, которые не умеют давать взятки. Как рассказывала Галя, главным недостатком семьи для опеки тогда была их однокомнатная квартира. Квартира сестры удивительным образом оказалась подаренной неизвестному лицу буквально за день до ее смерти. Что касается однушки, то у нас в детских домах апартаменты на каждого сироту. С прислугой и джакузи, ага. Но у них получилось построить свой однокомнатный ковчег. Игорь использовал каждый метр, нет, сантиметр площади. Я редко захожу к ним, но совершенно не чувствую ни тесноты, ни малейшего неудобства. А у меня вполне просторная квартира на одну. И мне помешала бы даже муха.

Сейчас Кате двенадцать лет. Мне очень нравится эта девочка с ясным и развитым умом. Она помнит себя с раннего возраста. Галя и Игорь не пытались скрывать от нее историю семьи. Катя привыкла к откровенности и честности взрослых и отвечала обретенным родителям тем же. Галя, конечно, ее обожает, хлопочет вокруг, как наседка. Но по-настоящему меня трогает, как смотрят друг на друга Игорь и Катя. Как два равных по разуму человека, соратники одного дела, родные люди, которые навеки обменялись клятвой преданности. Катина тонкая ручка находит крепкую ладонь Игоря. Ее зеленые глаза-озера вливаются в его карий взгляд, и они едины в главной идее. Им нужно окутать любовью и окружить защитой Галю, слабый и драгоценный огонь их союза.

Дверь мне открыла Галя. Она была очень бледной, с красными глазами, казалась потерянной и какой-то обмякшей. Но улыбнулась мне своей прелестной улыбкой. И не из вежливости, конечно. Это то самое – доверчивый отклик на любое внимание.

Катя обожгла меня страстным и горячим зеленым лучом взгляда и просто прерывисто вздохнула, как все дети после большого напряжения. Она не избалованная неженка, так и не стала такой, несмотря на все старания Гали. Катя – готовый к трудностям человек, но для любого преодоления ей необходима мягкая поддержка Игоря.

– Ладно, – кивнула я ей в знак того, что мы во всем разберемся. – Пошли на кухню, включи чайник. Котлеты теплые, кофе я заварю сама, даже с растворимым нужна рука мастера. И я проголодалась, пока шла к вам.

Мы с Катей занялись обедом, а Галя передвигалась по кухне суетливо и безрезультатно, просто пыталась искать себе применение. Я смотрела на ее коренастую, полноватую фигуру, на простенькое лицо. Отдельные черты таких лиц практически не запоминаются, ничего броского и яркого, только общее впечатление, если оно вообще способно возникнуть. В Галином случае впечатление было неотразимым. Под обычной, не слишком ухоженной кожей, в глазах стандартного голубого цвета светилась сама суть женщины – любовь. Не случайно Игорь, когда находится рядом с ней, постоянно старается к ней прикоснуться. Он это делает, даже когда они просто идут вместе по улице. Обнимает за плечи, держит за руку, поправляет белокурый завиток над ее лбом. Я не раз слышала, как идиотки пытались шутить на эту тему, а у самих зубы стучали от злобной зависти. Еще бы: Игорь – не то что красавец, он непреодолимо привлекателен в любой своей черте, движении, реакции. Он

намного лучше признанного красавца, который просто соответствует банальным критериям. Игорь не похож ни на кого.

Я очень хорошо понимаю тех, у кого челюсти сводит при виде этой пары. Я и сама из категории людей, от которых любовь и преданность шарахаются, как от чумы. И это независимо от немалого количества бурных романов и одного нелепо-страстного замужества, спалившего моего избранника, как засохший тополь. Я понимаю условных подруг по несчастью и смеюсь над ними. Что толку усугублять завистью собственную участь, если причина у каждого в зеркале. И у всех она своя. Никогда не заблуждалась по поводу баланса любви в моей судьбе. Там минус, потому что в роли чумы, отпугивающей любовь, выступаю я сама. Нет, влюбиться я, конечно, способна. Забыть на час-день-месяц о себе – это легко. Но я всегда вижу момент, когда из моих объятий выйдет за дверь выжатая, использованная и более неинтересная личность. И эта дверь больше никогда для нее не откроется. Я восхищаюсь Галиной любовью светло и бескорыстно. Нужно уметь ценить то, что тебе не дано. Да и мужчины типа Игоря, наверное, обходят меня за версту, они умеют идти на самый верный свет.

Мы устроились с Галей в комнате на диване. Катя ушла в свой выделенный угол у противоположной стены. Всегда изумляюсь этому шедевру Игоря. Там была какая-то чудо-комнатка с красивой раздвижной дверью из витражного стекла, прозрачными перегородками – стенами, занавешенными легкими шторами. Внутри диван, стол с компьютером. На стене телевизор, полка с книгами. И вроде бы основная комната не стала меньше.

На этот раз Катя не задернула свои шторы и не закрыла дверь. Тактично и уверенно дала понять нам обеим, что мы можем говорить вдвоем, как две взрослые женщины, а она как дочь обязана знать главное.

Неприятность была банальной. И в каждом конкретном случае она может иметь свое объяснение – от очень простого и легкого до фатального. Игорь накануне во второй половине дня поехал на строительный рынок за материалами для хронического ремонта и усовершенствования их маленькой дачи в Голицыне. Галя до позднего вечера не особенно беспокоилась: она знала, как подолгу и придирчиво он все выбирает. Потом повез на дачу, по пути домой позвонит. Но Игорь не звонил. А когда она сама стала его набирать, телефон оказался вне сети. И такое бывает за городом, и разрядиться телефон мог, а у них на даче не всегда есть электричество. Но Игорь не приехал и не позвонил до утра. На рассвете Галя отправилась на метро и электричке на дачу. Игоря там не

оказалось, но на террасе лежали новые материалы со строительного рынка. Она вернулась домой и начала обзвон по контактам. Малочисленные друзья и знакомые, которым Галя звонила, его не видели. В деревне к осени практически никого уже не было. Около полудня Галя решилась позвонить в полицию. Над ней, конечно, посмеялись:

– Женщина, вы себе представляете, что бы с нами было, если бы мы мчались разыскивать каждого мужа, который не пришел ночевать? Скажу вам по секрету, как мужчина: не поднимайте шум. Он вам спасибо не скажет, когда приедет.

Иногда истина глаголет не только устами младенцев, но и полиции. Но не в нашем случае. С Игорем ничего такого не могло произойти – ни дружеской попойки, когда времени не наблюдают, ни искушения провести ночь с другой женщиной. ДТП? Я произнесла вслух:

– О ДТП вы узнали бы первыми. Они сразу звонят родственникам. Что может еще быть?

– Ты знаешь, – прошептала Галя. – Вдруг стало плохо, он куда-то заехал и…

– Сразу отметаю, – резко сказала я. – Рак так не работает. Не сбивает на лету человека со стойкой ремиссией или полным выздоровлением. А сердце у Игоря здоровое.

Так мы коснулись второй части той беды, которая после выздоровления Галины вновь начала маниакальный штурм крошечной крепости из трех сердец. Я тогда заметила это раньше Гали. Игорь немного похудел, и у него появилось глухое покашливание. Я это уже слышала и видела такой же взгляд, временами затравленный и уклончивый, как будто человек боится даже себе что-то озвучить. Галя заваривала Игорю травы от простуды. А я задала ему прямой вопрос, когда мы остались одни. Он ответил просто:

– Рак горла. Третья стадия. Окончательно подтвердилось вчера. Думаю, как девочкам сказать.

– Так же прямо и просто, как мне, – ответила я.

И уже на следующий день Игорь, Катя и я, единственный зритель трагедии, увидели невероятное превращение слабой, беспомощной женщины, окутанной заботой мужа, в бесстрашную, стойкую и беспощадную к врагу воительницу. Галя боролась за Игоря с такой исступленной нежностью, с такой отчаянной решимостью, что ей не мог отказать ни один самый востребованный специалист. Наступил день, когда им объявили о его полной ремиссии. Я даже не слышала, не читала ни о чем подобном. Два человека, которые выбрали друг друга в пятом классе школы, к сорока пяти годам спасли крошечную жизнь осиротевшего младенца, сделали его счастливым человеком, – они пролетели над двумя смертями. С таким заболеванием трудно что-то предугадать, но Игорь и Галя уже год выглядят и чувствуют себя совершенно здоровыми.

– О чем ты думаешь? – спросила у меня Галя.

– Составляю план, – задумчиво произнесла я.

В это время в дверь позвонили. Галя бросилась в прихожую. Катя вышла из своего аквариума и подошла к порогу на мягких лапках, как умная кошка. Я приблизилась к ней, готовая к возгласу облегчения, но раньше, чем увидела, кого впустила в прихожую Галя, услышала вздох досады Кати: «Ох, опять она».

А Галя отступила к стене, чтобы впустить крупную загорелую даму со стильной, вызывающе короткой стрижкой «ежик» на темных, местами высветленных волосах. Она была в бермудах и черной майке, открывающей полные руки и грудь до сосков. У меня нюх гончей, и я сразу узнала эти селективные духи для особо активных и оригинальных натур. Забыла название, но они бьют в нос призывом: посмотрите, вот она я, и попробуйте устоять.

Сейчас для Гали вряд ли существуют желанные гости, кроме потенциальных помощников. Но по тому, как Галя держала опущенными скованные руки, не приглашая даму пройти в комнату или кухню, было понятно, что это тот редкий случай, когда Галя решительно не хочет ни прикоснуться к человеку, приветствуя, ни пропустить в квартиру.

Зато дама демонстрировала такое знойное расположение, такую пылкую и в то же время снисходительную заботу, как будто представляла хор всех милосердных и благотворительных обществ.

– Дорогая, – говорила она низким голосом с барственными интонациями, – я так опаздываю по разным делам, но не могла не зайти и не узнать, как вы тут. Неужели Игорь до сих пор не явился?! Я места себе не нахожу.

– Его нет, Марго, – напряженным голосом ответила Галя. – А ты откуда знаешь?

– Соседка утром сказала. Эта подслеповатая, с облезлой собачкой. Я сама вернулась утром, мы с Нателлой были за городом в гостях у друзей. Он заместитель министра торговли и промышленности, между прочим. Знаешь, как бывает: шикарный ужин, вино, потом завтрак еще роскошнее. Короче, еду в тренажерный зал и в бассейн. Но чаю с тобой выпила бы, расскажи мне, что ты думаешь.

– У меня нет чая, Марго, – сухо произнесла Галя. – И мне просто нечего тебе рассказать.

– Понимаю, – пророкотала Марго. – Вижу, какое тяжелое у тебя настроение. Так и думала. И вот что я тебе скажу, дорогая. Это мужчины. Одно слово – и все понятно.

– Добрый день, – шагнула я в прихожую. – Я тебя жду, Галя. Мы недоговорили по поводу премьеры моего сериала. А я пришла узнать твое мнение.

Марго бросила на меня недовольный взгляд, а вопрос задала Гале, тоном хозяйки, которая в чем-то уличила прислугу:

– Я тебе помешала, Галина? Ты тут что-то обсуждаешь, когда Игорь пропал?

– Именно, – произнесла я и встала между Галей и ее монументальной гостьей. – Поршу прощения, Марго, но это важно, и время у меня ограничено. Я Анастасия, кстати. Будем знакомы.

Меня часто выручает запас нелюбви к большей части человечества. Многие ловят мой посыл без лишних объяснений, несмотря на толщину кожного покрова. Марго сузила свои светло-карие маленькие глазки почти без ресниц, сделала шаг назад и лишь потом оскалила в улыбке хищный ряд зубов. Через секунду я уже закрывала за ее спиной дверь.

– Как хорошо, что она наконец ушла! – воскликнула Катя. – Терпеть ее не могу.

– Успокойся, деточка, – устало произнесла Галя. – Она просто такая беспардонная и бестактная. Но она тоже беспокоится. Я уверена. Марго любит Игоря.

– Я тебя умоляю, Галя, – произнесла Катя, комично копируя взрослых кумушек. – Марго любит только себя.

И я скромно отметила про себя, что это, скорее всего, уже мое влияние. Ребенок Гали и Игоря точно не будет идеалистом.

Марго оказалась соседкой со второго этажа, которая прочно прилипла к семейству Николаевых месяца три назад. Они с дочкой Нателлой приехали из Армении и купили четырехкомнатную квартиру. Когда Галя немного успокоилась и отвлеклась, она рассказала мне, что Марго вообще-то прилипла только к Игорю. Без конца ему звонит по любому поводу, призывает как помощника для устранения постоянно возникающих в ее квартире неполадок.

– Они состоятельные люди, – пожала плечами Галя. – Но… жадная она, что ли. Я даже недавно ей посоветовала вызвать мастера из ДЭЗа, они недорого берут. Катя ее не выносит, особенно за поучения и вульгарные выводы. Когда она начинает говорить гадости обо всех мужчинах, Кате кажется, что она пытается оскорбить Игоря.

– Ладно, – подвела я итог, – будем считать, что эта клоунесса нас развлекла. Вы даже порозовели обе. Я, пожалуй, начну осуществлять свой туманный план. Сразу скажу, у меня нет конкретных решений, просто хочу выпустить на свободу свою застоявшуюся интуицию. Галя, скажи мне точный адрес вашей дачи. День хороший, покатаюсь, полюбуюсь природой, загляну туда. Вдруг там меня осенит или я наткнусь на подсказку.

– Ой, Настена… – Галя даже задохнулась от потрясения и благодарности. Не потому, что это был понятный ход, а потому, что это конкретное действие – прорыв из нашего неподвижного ожидания. – Запиши адрес, а я тебе объясню, как проехать. И ключи возьми.

– Не надо ничего объяснять, у меня нормальный навигатор. Ключи у тебя не последние?

– Есть еще комплект.

– Хорошо. Будьте на связи, следите, чтобы телефоны не разрядились. Да, Галя, а в каком смысле Марго любит Игоря?

– В обычном, – Галя даже рассмеялась. – В каком все любят Игоря. Потому что он самый хороший.

– Понятно, – кивнула я. – С тобой все понятно.

Я вернулась к себе, заварила кофе, налила в термос. Сделала пару бутербродов, взяла сумку с документами и отравилась на загородную прогулку. Заодно пикник себе устрою где-то там, на этом пленэре, который мне без особого повода тысячу лет не нужен.

Нежное солнышко ранней осени скрашивало и унылое природы увяданье, и даже вид старых, неухоженных, слепых домов, брошенных для холодного выживания. Домик Гали и Игоря, конечно, выделялся, как симпатичная картинка на угрюмом и депрессивном фоне. Я оставила машину у калитки красивого деревянного и, конечно, чисто декоративного забора, вошла в прелестный дворик – несколько метров туда и сюда, подошла к террасе. Она была полностью застекленной, и я увидела три громоздкие упаковки строительных материалов, вдоль и поперек заклеенные широким скотчем. Немного странно, что Игорь не распаковал их. Я не раз видела, как он привозит домой такие свертки, сразу сдирает обертки и придирчиво все осматривает. Нет, это действительно странно – то, что он так все бросил и уехал, как будто очень торопился или что-то его отвлекло.

Я поднялась на крыльцо, открыла дверь, вошла в чистенький коридор, нашла выключатель. Свет в доме имелся. На кухне работал маленький холодильник. В нем были яйца в миске, две бутылки кефира и батон белого хлеба. Я позвонила Гале:

– Привет, я тут. Как у вас мило. Скажи, а что вы оставляли в холодильнике, когда были здесь в последний раз?

– Я всегда покупаю на ближайшем рынке два десятка яиц, в магазинчике рядом две бутылки кефира и хлеб. Есть еще чай в шкафчике. Да, и в морозилке курица. А что?

– Просто изучаю обстановку и проверяю нашу связь.

Я пересчитала яйца в миске. Два десятка. И батон целый. И кефир не открыт. А мусорное ведро чистое и пустое. Игорь уехал из дома до обеда, приехал за город, долго ходил по магазину, выбирая материалы. Потом привез все сюда. Он не мог не проголодаться. Кроме того, ему строго велено врачами питаться регулярно, и это вопрос жизни. Я прошлась по трем крошечным комнатам. Везде безупречная чистота, в супружеской спальне кровать покрыта тонким белым покрывалом в мелких розочках. Подушка не смята. И здесь так уютно, как удержаться усталому и нездоровому человеку и не отдохнуть? На подушке совсем свежая наволочка, из стирки, на ней вообще еще не спали.

Я вышла во двор. Присела на деревянную скамейку у садового столика и приступила к пикнику со своим кофе и бутербродами. Сумерки подкрадывались из зеленой с рыжей проседью травы, тянулись с ветвей старых яблонь. Легкий ветер освежал лоб, за которым, как я надеялась, шла своя работа. Я закрыла дом, вышла за калитку, но в машину садиться еще не хотелось. Прошлась по деревенской улице. Миновала несколько домов с темными окнами. Дальше стоял дом, одно из окон которого слабо светилось, как от ночника. Я подошла к воротам, на них висел белый квадрат картона с надписью от руки. Уже совсем стемнело, я включила фонарик телефона и прочла: «В доме ковид! Просьба не входить и не звонить».

Черт, совсем забыла о подобных вариантах. Возможно, в этой глуши и есть идеальное место для карантина.

Домой я вернулась часам к одиннадцати вечера. Позвонила Гале, узнала, что Игорь не приехал и не звонил. Голос у нее был совсем упавший. Она ни о чем меня не спросила, я сама сказала:

– Я думаю, решаю, мне есть к кому обратиться. Вы постарайтесь поспать, а я ночью никогда не сплю.

Я положила трубку и вдруг перезвонила по интуиции. Сама не знаю почему:

– Галя, вдруг вспомнила… Дочь вашей Марго зовут Нателла. Не скажешь, как у них фамилия?

– Григорян, – удивленно ответила Галя.

– Точно. Нателла Григорян, кажется, подруга одной моей знакомой. Извини, у меня всегда какая-то ерунда крутится в голове. Спасибо. Да, если не трудно, пришли мобильный телефон Нателлы или Марго. Может, завтра позвоню. Вдруг у них есть информация о моей знакомой: она уехала за границу, хочется узнать, как там у нее.

Так. Еще нет двенадцати, и есть тот единственный на свете человек, который никогда ничему не удивляется. Сережа Кольцов, частный детектив и мой консультант по самым разным вопросам.

– Привет, Сережа, не разбудила?

– Это дежурная озабоченность или ты на самом деле обо мне беспокоишься?

– Выбери, пожалуйста, сам. У меня несложная просьба. Нателла и Марго Григорян, адрес, мобильные телефоны сейчас пришлю. Прошлым вечером были в гостях у заместителя министра торговли и промышленности Погасяна в загородном доме.

– Ну и?

– Ничего. Только это. Было или нет, как, когда. И где сейчас, если нетрудно.

– Опять детективный сериал? И чтобы все совпадения с реальными фактами были случайны?

– Точно.

– Как быстро?

– Как только, так сразу. Я жду.

Я успела протереть в квартире пол, принять ванну, а время, как это с ним бывает именно ночью, ползло сонной черепахой. И, конечно, не думалось, не читалось, а телевизор у меня никогда не смотрится. В таких ситуациях самое полезное и успокаивающее занятие – что-то приготовить и поесть. Нужно быть готовой и к решениям, и к действиям. Вторая ночь отсутствия Игоря – это уже критично. А есть нужно, когда хочется и когда больше ничего получиться не может. Вне времени суток. Это и есть мой режим питания, и он оправдывает себя, как ни один другой. Тут уж вы мне поверьте.

В магазин я сегодня не ходила, в холодильнике остался, кроме вспомогательных продуктов и замороженных запасов, только творог не первой свежести. Это именно то, что нужно. Какое-то время я вдохновенно готовила воздушные сырники по американскому рецепту. Потом я их ела на лоджии, переглядываясь с загадочной луной. А потом и Сережа позвонил.

– Везучая ты авантюристка, Настя. Как раз оказался свободным и неспящим мой человек, который шарит по сайтам ЖКХ и налоговой, как в своей тумбочке. Да и телефоны объектов оказались включенными. Нателла и Маргарита Григорян зарегистрированы по тому адресу, который ты назвала. Обе собственницы. На Нателлу зарегистрирован «Мерседес-Бенц», номер… новая версия, кстати. На Маргариту – «Тойота», номер… На Нателлу оформлена еще квартира в Софии. Марго Григорян приобрела недавно недвижимость в Подмосковье, адрес есть. По прошлой ночи и заместителю министра Погосяна. Дом на Рублевке, охраняют знакомые чоповцы. Званый вечер был сутки назад, среди приглашенных была Нателла Григорян, Марго там не было. Сейчас сигнал обоих телефонов – по месту регистрации. Нателла вернулась домой довольно давно. Маргарита Григорян приехала буквально полчаса назад.

– Отлично. Один вопрос: недвижимость, которую купила недавно Марго, в районе Голицина?

– Так точно.

– Сережа, нам надо туда ехать. Я бы сказала, мчаться. Если ты не ужинал, у меня гора изумительных воздушных сырников по-американски. Завариваю большой термос кофе. И вообще, я собираюсь подписать с тобой договор на самых

замечательных для тебя условиях. Вознаграждение и все такое. Можешь прямо сейчас захватить бумаги.

– Вознаграждение? Когда бедный гусар и сыщик может отказаться от подобной перспективы? Складывай свои сырники. Буду через сорок три минуты.

Через час мы уже мчались по ночному Калужскому шоссе.

– Будешь есть сейчас? – Я почти любовно посмотрела на четкий профиль и умный лоб своего спутника. Не знаю никого, кто бы так успокаивал и внушал надежду одним своим присутствием. Я даже не уверена в том, что Сергей такой уж гениальный сыщик. Но какой-то особый человеческий талант у него точно есть. Найду когда-то спокойную паузу и попробую его определить.

– Ни в коем случае. Мы ведь едем на пленэр, так? А я сто лет мечтал поесть чего-то воздушного в тишине волшебной ночи на живописном фоне и в твоем обществе. Найдем подходящее место, и ты мне для начала расскажешь, в чем там дело. За каким лешим тебе вдруг понадобились эта тетка и ее халупа в медвежьем углу. Это, кстати, странно. Состоятельная баба, а там недвижимость – дешевеле только самой доплатить.

Пикник мы устроили во дворе дачи Игоря и Гали. И в этом что-то было. Ночь может быть волшебной в одном случае: когда два человека с хорошо поставленным воображением решили считать ее такой. Наш стол освещал сильный фонарь Сергея. Только ранней осенью легкий ветерок пахнет таким богатством земли – яблоками, туманом, еще не пролившимся дождем. Только сейчас, ночью, в узком луче я прямо смотрю на обалденно красивого мужчину и думаю о том, что его мужественная и картинная внешность для умной женщины – граница на замке. Роман с таким типом – это шикарный полет с Эйфелевой башни головой вниз.

Сережа без умолку хвалил исчезающие сырники, проливая бальзам на мое тщеславие. Он был в восторге даже от растворимого кофе с миндальным молоком.

– И дворик такой миленький, как из набора для Барби. Думаю, что в этой хатке так же здорово. – Он бросил на меня внимательный синий взгляд. – Я не сильно ошибусь, если предположу, что твой активный и даже агрессивный поиск связан

с каким-то мужчиной? Это идиллическое место похоже на обитель свиданий.

– По сути верно, по смыслу предположения – полная чушь. Давай я тебе расскажу все по порядку. Причем постараюсь не делиться своими выводами, просто отчет обо всем, что узнала, слышала, видела – подряд, по минутам и словам. Дойду и до этого места, в котором я сегодня была впервые. И до недвижимости Марго, думаю, я знаю, где это. А ты потом скажешь, права ли я. Если бред – ты простишь, и мы поедем.

Я рассказывала, как ученица на экзамене, на самом деле стараясь ничего не пропустить в реакции Сережи: ни слова, ни выражения, ни интонации. Сама думала в это время, что единственный человек, который умеет так хорошо слушать и помогать участливым молчанием, одним одобрительным словом, сейчас сидит передо мной.

– Это не бред, – произнес Сергей, дослушав до конца. – Это логичная версия, в которой факты и наблюдения связаны добротной психологией. Другой вопрос в том, что ты так привыкла сама создавать художественную реальность, что привязка к объективной действительности вроде бы и не твой вопрос.

– Это приговор? В смысле, ты ничему не поверил?

– Я просто сказал, что проверка – это мой вопрос. По коням, дорогая.

Мы дошли уже в кромешной темноте до ворот с надписью про ковид. Надели свои маски и перчатки: чем черт не шутит, а вдруг правда. Но это на самом деле был дом Марго. А она здоровее не бывает, как я сама видела.

В доме по-прежнему слабо светилось одно окно. Сережа поковырял замок на воротах, они открылись. То есть они были заперты только снаружи. Мы вошли в запущенный и заросший бурьяном двор. Корявые старые деревья торчали в произвольном порядке. Я споткнулась о какую-то корягу и упала. Сергей склонился, чтобы помочь мне встать. И тут мы услышали странные звуки – то ли стоны, то ли хриплый шепот где-то поблизости.

Через минуту я стояла и смотрела с каким-то мистическим ужасом на человека в луче фонаря. Игорь выглядел ужасно, но не в этом дело. Он стоял на коленях в зарослях травы, обхватив голову руками. Никогда я не видела такого

воплощения отчаяния.

– Игорь, – сказала я тихо, почти шепотом, чтобы не испугать его. – Это я, Настя. Мне кажется, ты потерял очки. Сейчас я их найду.

Я нашарила вслепую в темных зарослях очки Игоря, как-то протерла их носовым бумажным платком. Сергей помог подняться Игорю, отряхнул его влажную одежду от грязи. В этом дворе даже скамейки не было. Мы повели Игоря в его двор, он шел молча, на подгибающихся ногах. И только на его кухне я произнесла:

– Игорь, Галя и Катя не знают, что я здесь. Они вообще ничего не знают. Мы сейчас все решим, как нам поступать. Это мой друг Сергей Кольцов.

– Да? – с какой потрясенной благодарностью посмотрел на меня Игорь. – Они не знают? Ты не сказала? Ты сама как узнала?

– Просто предположила. Сережа помог кое-что проверить. Я включу в ванной обогреватель, помоешься, попробуем отчистить твою одежду. Тебе обязательно нужно поесть. И поверь мне: все будет хорошо.

Пока Игорь мылся, я позвонила Гале.

– Не могу долго говорить. Только одно: я нашла Игоря. Мы сейчас на вашей даче. Скоро выезжаем. Потом все расскажем.

И я разъединилась под двойные возгласы, стоны и охи на том конце.

Игорь рассказывал нам о своем, скажем так, приключении. Он преодолевал себя, вырываясь из оков робости очень скромного человека, который не привык обременять других своими проблемами или страданиями. А то, о чем он говорил, явно казалось ему страшно постыдным. Он тяжело вздыхал, утомленно прикрывал свои близорукие карие глаза, с трудом подбирал слова.

– Старик, – мягко произнес Сергей, – тебе нужно говорить просто и точно. Это я тебе как профессионал говорю. Мы должны разобраться в преступлении. То, что тебя накачивали сильными препаратами, – это дважды два. Я в курсе твоего

диагноза. И если бы Настя не угадала то, что сообразить в принципе невозможно, все могло бы закончиться очень печально. И еще: в чем бы ни обвинял себя ты сам, для нас важны только строгие факты. Ты же ученый, так и рассказывай. Объективно.

Игорь так и поступил. Он рассказывал о себе как об объекте какого-то эксперимента. А я слушала со странным чувством: я все это уже увидела раньше. Настолько раньше, что даже Сереже не признаюсь.

Со строительного рынка Игорь привез материалы на дачу около пяти часов вечера. Успел только перенести все из машины на террасу. И вдруг услышал женский крик у своего забора. Он выбежал и увидел московскую соседку по дому Марго Григорян. Она лежала прямо на земле и стонала. Рассказала ему такую байку. Она купила дом рядом, потому что Галя очень хвалила это место и цены тут низкие. Приехала на такси, отпустила его у своего дома. И тут увидела машину Игоря, которая въезжала в его двор. Пошла, чтобы поздороваться, попала ногой в канаву и вывихнула лодыжку. Ни ступить, ни шевельнуться. Игорь на автомате вывел машину, загрузил в нее Марго, они въехали в ее двор, он доволок ее до дивана в комнате. А потом она, конечно, заставила его за ней ухаживать: приносить компрессы, давать лекарства, заваривать чай. При этом категорически отказалась от «Скорой помощи» или звонка дочери.

Не стану повторять подробности этого спектакля. Марго хваталась то за ногу, то за голову, то за сердце, Игорь никогда не мог оставить кого-то в беде. Когда он захотел позвонить домой, оказалось, что его телефона нигде нет. Марго свой телефон тоже не обнаружила: «В такси, наверное, оставила». Дальше воспоминания становились обрывочным и туманными. Измученный Игорь и резко поздоровевшая Марго сидели за кухонным столом. Она его чем-то кормила и все подливала домашнее вино в большой бокал. Игорь не привык много пить, но вскоре начал понимать, что ощущает не алкогольное опьянение, а что-то совсем другое, похожее на знакомое действие болеутоляющих препаратов и даже химиотерапии. Он понимал, что происходит что-то ужасное, но сил для сопротивления уже не было. Затем он обнаружил себя раздетым в постели. Рядом лежала обнаженная Марго. Мы пропустили детали самой жуткой для Игоря ночи. Он только посмотрел на меня ранеными глазами и произнес: «Настя, нет. Я ничего не сделал». А поздним утром он очнулся, понял, что это не сон… Марго в прозрачном пеньюаре, наброшенном на голое тело, легла рядом и стала делать селфи телефоном, который вдруг чудесным образом появился. Игорь понял, что это и будет ее орудием в диком плане, который он даже не мог себе

представить. Впал в отчаяние, в панику. Марго «лечила» его прохладным шампанским, чаем и успокоительными каплями. Результат был тот же – наркотический ступор и моральный паралич.

– Ты помнишь, что она говорила? – спросила я. – Как все объясняла?

– Она говорила, что давно поняла, как сильно я в нее влюбен и как ее хочу, – упавшим голосом произнес Игорь. – И что она все уладит с Галей. Что Катя будет только рада… Я был в ужасе. Потому что понял: это буйная сумасшедшая, а я попал в ловушку.

– Надеюсь, мы не будем сейчас толковать мотивы и цели одной авантюристки, – произнес Сергей. – У нас мало времени до утра, а для нее много чести. Могу и сразу закрыть тему: это торговка и воровка – вот и вся психология. Присмотрела себе, возможно, мужа и жертву. У таких они всегда чужие. Нам нужно решить, с чем Игорь приедет домой. Я правильно понял, что ты не хочешь посвящать близких в детали события?

– Это исключено, – пламенно произнес Игорь. – Я даже имени этой… не хочу произносить при Гале.

– Понял. – Сережа встал в торжественную позу. – И я готов решить данную неловкость. У меня для подобных случаев есть несколько универсальных рецептов. И один идеально ложится на твой, Игорь, ненормально гуманный характер. Слушаем внимательно и запоминаем каждое мое слово. Начинаем, конечно, с правды. Ты привез свои материалы, выгрузил, сел в машину и собрался мчаться к любимой жене. Едешь по улице в другую сторону, не к дому Марго. Там наверняка где-то есть совсем заброшенный дом. Чтобы точно не могло быть свидетелей. Есть?

– Да, есть, – подтвердил Игорь.

– Отлично. Ты доехал до него и вдруг услышал что-то вроде детского плача. Естественно, бросаешься во двор, бегаешь, зовешь. Понимаешь, что звуки доносятся из подвала. Находишь вход, спускаешься по прогнившей лестнице, она под тобой обрушилась… Ты какое-то время лежишь, оглушенный, можно и без сознания, как сам решишь… Потом приходишь в себя, ползаешь… Детали на всякий случай придумай. Идешь на звук. Короче, находишь кошку. Долгие часы

ее ловишь, наконец тебе удается на что-то взобраться и выбросить ее на свободу… Сам падаешь, чем-то ударяешься, тут точно стоит потерять сознание. Приходишь в себя и видишь, как по канату спускается человек, и он является мною, частным детективом Сергеем Кольцовым. Которого и привела ваша подруга Настя, чтобы найти тебя. Как версия?

– Блеск, – сказала я. – Как раз про Игоря.

– Да, – Игорь даже улыбнулся. – Это и Кате очень понравится, особенно насчет спасения кошки. Только, Сергей, я хотел бы сразу оговорить: мое спасение, чудесная история – это работа. Я хотел бы заплатить за нее.

– Ладно, – легко согласился Сережа. – Я беру натурой. В смысле кормежкой. С удовольствием приеду на завтрак или обед.

Такими героями-победителями с нежными, трепетными душами мы и явились утром в квартиру Николаевых. И сразу все попали в облако визга, восторгов и запаха яблочного пирога. И на протяжении всего длинного, обильного завтрака с темной и терпкой вишнево-черничной домашней наливкой я видела две руки, которые ни разу не разжались – ладони Игоря и Гали слились в своем вечном, окончательном объятии. А глаза Игоря впитывали Галин голубой счастливый взгляд с блаженством и мукой. И никаких сладких слов и приторного лизания. Как одной алчной жалкой душе не позариться на такое богатство? Как не позавидовать, не захотеть разрушить?

Галя взяла с меня и Сергея слово, что мы обязательно приедем к ним на обед. Сережа остановил машину у моего подъезда и произнес такой спич:

– У нас были ночной пикник и завтрак, будет обед. И я напоминаю тебе твое предложение о вознаграждении за мои профессиональные услуги. Если мы включим в расчет и ужин со мной где-то в ресторане, в идеальном случае – у тебя или у меня, – мы в расчете. Могу в таком духе и составить договор.

– А давай, – зевнула я. – Только никаких конкретных часов, у меня сейчас отторжение от всего, что связано с точностью. Я должна спать сколько влезет. Ладно?

– Конечно. Я позвоню.

После хорошей, полезной усталости я не просто сплю. Я пью свой сон, я его целую, обнимаю, я по нему плыву и летаю. Проснулась, когда нежное осеннее солнце уже грустнело и куталось в облака. И тут позвонила Галя спросить, когда я приду. Сергей уже у них.

– Мои дорогие, – восхитилась я, – вы после такого потрясения все же приготовили праздничный обед? Как я рада. Я, конечно, мысленно с вами. Но я останусь тут. И даже не стану придумывать причины. Я вас люблю именно за то, что ничего объяснять не нужно.

– Конечно, – рассмеялась Галя. – Жалко, но я почти не сомневалась, что ты ночью погорячилась с обещанием. Но учти: теперь ты будешь каждый день виноватой в том, что я готовлю праздничный обед в ожидании тебя. Вот Сергей стоит рядом, говорит, что позвонит тебе со своего телефона.

Сергей позвонил через пару минут, видимо, уточнял информацию у Гали.

– Привет. Я правильно понял, что послан туда же, куда ты сейчас отправила своих лучших друзей? Можешь сказать открытым текстом. Я один на площадке.

– Сережа, это вопрос терминов. У меня это называется иначе. Я вас оставила на потом, на сладкое в обеде жизни, на день следующего праздника, которого я хочу ждать.

– Здорово. И я отчетливо понимаю, что в очередной раз пролетел над опасностью приклеиться к твоему шлейфу. Как ты права: упаси меня бог от такой участи.

И я светло и грустно подумала о том, что мы с Сергеем неисправимые единомышленники.

А Игорь с Галей никогда не узнали о том, почему из их дома уехала семья Григорян, почему Марго продала дачу в их поселке. Причиной был деловой и короткий разговор мадам похитительницы с частным детективом. Ей предъявили полный пакет компромата с документами и фото не только по преступлению против Игоря. Ознакомили с положениями Уголовного кодекса. Поставили короткие сроки. И Марго все с ходу поняла. Только Игорь может

считать, что подлости в сочетании с криминалом совершают буйные сумасшедшие. Все наоборот. Есть такая норма. И знают об этом только такие циники, как мы с Сережей.

Ошибка Валентины

Когда Валя идет по улице своей легкой и стремительной походкой, красиво несет небольшую, аккуратно подстриженную голову, прямо держит стройную спину, ее иногда окликают:

– Девушка, не подскажете… – она поворачивается и слышит продолжение: – Извините, женщина. Как пройти…

И Валя сама знает, как контрастирует ее спортивное, тренированное тело с лицом, потемневшим не от загара, а от вечного напряжения и тяжких испытаний. Глубокие морщины на лице Вали появились еще в молодости. Она была спортсменкой. Легкая атлетика. Собиралась стать знаменитой, тренировалась до потери пульса, на соревнованиях боролась за результат, не чувствуя ни страха, ни боли, ни биения собственного сердца. Доползала до душа, проваливалась в мертвый сон. Тут не до крема и массажа. Просыпалась неизменно от боли во всех мышцах и суставах. И точно знала, что настоящий спортсмен борется с болью не пилюлями, а лишь еще большими нагрузками.

К тридцати годам Валентине по лицу можно было дать сколько угодно лет. Волосы поредели, посеклись, у висков появились седые нити. А настоящие победы, слава и деньги так и не пришли. И однажды страшную боль в колене не удалось победить упражнениями и тренировкой. Врач сборной посоветовал Вале сходить к хирургу. «Такие операции делают». И равнодушно отвернулся: Валя уже не была членом сборной, так решил тренер.

Она вернулась в свою полупустую квартиру, содрала со стен какие-то грамоты и одну медаль победителя городских соревнований, выбросила все в мусорное ведро. И подумала почти спокойно: хорошо, что мама отмучилась три года назад. Сейчас ей не на что было бы покупать даже дорогие болеутоляющие лекарства. Насчет операций на колене она поспрашивала у знакомых. Не подойдет. И дорого, и какое-то время полной беспомощности, за хлебом не

сходишь. А просить Валя не любила. Жаловаться тоже. Да и некого просить. Некому жаловаться.

Провалялась недели две на кровати. Добиралась до кухни, где были запасы картошки, макарон и сухарей. Иногда глотала какие-то мамины лекарства, не читая инструкции. Вдруг что-то да поможет. И самая острая боль прошла – то ли сама, то ли лекарства на что-то подействовали. Значит, можно вернуться к проверенному способу: тренироваться. Теперь для того, чтобы просто ходить и искать любую работу. Разумеется, такую, которая не требует специальных знаний.

Валентину брали на работу охотно. Она производила впечатление скромного, нетребовательного человека, физически выносливого и, что самое приятное для работодателя, без семьи. Валя работала уборщицей в магазине, сотрудницей фирмы по мытью окон и, наконец, нашла работу, не очень тяжелую, неплохо оплачиваемую и недалеко от дома. Приемщица в большой прачечной-химчистке. Там она и осела на много лет.

Наконец в Валиной жизни появились и порядок, и свободное время, и даже что-то вроде любви к своему гнезду. В их прачечной продавались милые сопутствующие товары, новые и современные моющие средства. Валя даже немного обставила небольшую двухкомнатную квартиру в старом доме, сама сделала в ней ремонт.

Однажды Вале позвонил ее единственный родственник Петр – муж ее двоюродной сестры, которая умерла лет пять назад. Петр когда-то был бравым полковником. В отставке собирал у себя шумные компании по любому поводу. Как рассказывала Вале кузина, ее муж пользовался большим успехом у дам и отвечал им взаимностью. Потому, наверное, сестра так тихо и незаметно угасла. Валя у них практически не бывала: не ее круг.

И вот теперь Петр просит о помощи. Он практически не ходит из-за проблем с позвоночником, у него удалили одну почку. «Не надо было столько пить», – произнесла про себя Валя. Ей не был приятен этот родственник, она обвиняла его в несчастливой жизни сестры. Но приехала, конечно, с сумками продуктов. С порога поняла, что дела у Петра очень плохи.

Он умер через три месяца. Валентина похоронила его по-людски. И вернулась в его квартиру, единственной собственницей которой она теперь осталась. Она не просто никогда раньше не жила в таких домах и квартирах, она почти в них не бывала: никогда не ходила в гости. Теперь она могла сдать свою квартиру и пожить в этой, как человек, на которого свалились комфорт и благополучие как вознаграждение за весь каторжный труд. Валентина так и поступила, поселила в старой квартире семью приезжих с маленьким ребенком. Оформила себе пенсию, но продолжала приходить в прачечную на замену или когда там был аврал.

На ее мобильный позвонили с незнакомого номера в пять утра.

– Привет, маман, – произнес хриплый голос. – Узнаешь доченьку?

– Здравствуй, Зоя, – ответила Валентина после довольно продолжительной паузы. – Ты оттуда звонишь или вышла?

– На свободе я, с чистой совестью. – Зоя издала звук, который, видимо, был смехом. – Ты, конечно, рада до смерти, да?

– Я правильно понимаю, что ты уже в Москве? – Вопрос дочери Валя оставила без ответа. – Тебе есть где остановиться?

– Я на вокзале. Стою, думаю, куда мне рвануть – в Кремль или в Мавзолей?

– Понятно. Дело в том, что я сдала свою квартиру, сейчас живу в другом месте. Но тебе сюда нельзя. Мне нужно пару дней: попробую отказать людям, дать им время съехать, потом тебе позвоню. Поживешь там, если ты надолго в Москву. А пока… Поступишь как всегда. Найдешь свою компанию.

– Обалдеть! – воскликнула Зоя. – Я буду жить одна в твоей квартире, а ты в другом месте? Да я за такое счастье в общественном сортире перекантуюсь, сколько надо. И не бойся, нет у меня больше компаний. Я со всем завязала. Но учти: звонить буду сама, чтобы все точно. Так пока?

– До встречи. – Валентина положила телефон.

Это, конечно, должно было произойти когда-то. Дочь, рожденная из мрака, ужаса и страха Валиной юности, не может растаять, как утренний туман. Она возникла как наказание за ошибку, за преступную слабость, за темноту глупости и беспомощности. Прожила часть собственной, отдельной от матери жизни и окончательно утвердилась в своем диком опыте как существо жестокое, безнравственное, враждебное любому покою, порядку и закону. Зоя всегда была болью и тайным позором Валентины. О ней мало кто знал из ее немногочисленных знакомых. Последние девять лет Зоя Павлова провела в заключении за преступление настолько чудовищное, что единственным спасением Валентины было тупое забвение того, что она узнала в те страшные дни суда. Кстати, только на том суде Валя узнала, что Зоя в своих беспутных блужданиях по жизни в компаниях таких же существ-изгоев родила и бросила свою дочь.

Когда Зою увезли по этапу, Валентина попыталась найти свою внучку. Узнала лишь, что Варя Павлова окончила школу в уральском детском доме и куда-то уехала. Сейчас Варе должно быть двадцать два года. Сама Валентина родила в семнадцать, Зоя – в восемнадцать. Если внучка продолжила фамильную, так сказать, традицию, возможно, у Валентины есть правнук или правнучка.

Ее вдруг пробрал ледяной холод в теплой и красивой кухне, где она так глупо расслабилась в последнее время. Вале так хотелось верить, что блаженный отдых после каторги – моральной и физической – только начинается. Но каторга позвонила по телефону и в любой момент откроет эту дверь. Валентина боялась свою дочь. Более чужого и враждебного человека она не знала. Она нашла в аптечке таблетку снотворного, выпила, посмотрела на часы: есть время, чтобы забыться и, даст бог, проснуться с силами на какие-то решения.

Валя накинула на теплое одеяло два пледа, забралась под это тряпичное укрытие и продолжала трястись от холода, который куском льда прятался внутри, сжимал ее сердце, дрожал, как голый младенец на ветру, ныл где-то внизу живота. А потом навалился тяжелый сон большими кубиками с острыми углами и мрачными, грозными картинками. Ее несчастные семнадцать лет, она пытается затягивать свой растущий живот между костлявыми ребрами. Валю даже не изнасиловал, а просто использовал, как тряпку, самый наглый и тупой спортсмен из мужской команды. Все, что она узнала о женской участи от него, – это паника и отвращение. Потом жуткий скандал, истерика мамы, бешеная активность учителей и опеки. Валя не увидела своего младенца, отказ за нее написала мама. Имя девочке они все же дали, назвали Зоей, как первую куклу

Валентины. Отказ был единственным выходом – Валя не может быть матерью ни по каким критериям, ее мама больна и без денег. Вале нужно хотя бы школу окончить, начать зарабатывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/vmesto-gromkih-slov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить